

УДК 811.161.1'22'282.2'373(477.74-13)

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РУССКИХ
ОСТРОВНЫХ ГОВОРОВ ОДЕСЩИНЫ

Арефьева Н. Г.

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова, Украина

Постановка проблемы. Русские говоры Одесщины, на протяжении 200 лет функционирующие в поликультурном и полилингвальном окружении в отрыве от основного языкового массива – «материнских» южнорусских диалектов, представляют собой уникальный объект для реконструкции и изучения не только региональной, но общенациональной картины мира. **Актуальность настоящего исследования** обусловлена, во-первых, уникальностью самих говоров – «настоящего лингвофеномена», «живой лаборатории языка», по меткому выражению Л. Ф. Баранник, в которой «можно наблюдать контакты между различными говорами одного диалекта, между разными диалектами одного языка и между разными языками как близкого, так и отдалённого родства» [5, с. 24]. Во-вторых – антропоцентрической тенденцией в изучении языковых явлений, вот уже на протяжении двух десятилетий находящейся в «эпицентре» научных дискуссий. Как справедливо отмечает Е. В. Брысина, «тенденция к исследованию человеческого фактора в языке, определившего специфику современного лингвистического мышления, привела к вполне закономерному возникновению этнолингвистического и лингвокультурологического подходов к изучению языковых явлений» [7, с. 9]. Данная тенденция не могла не коснуться и региональной лингвистики. В широком контексте народной культуры представлены фундаментальные исследования Н. И. Толстого, С. М. Толстой, Е. А. Березович, Т. И. Вендиной, Е. А. Нефёдовой, В. М. Мокиенко,

С. Е. Никитиной, А. В. Гуры, О. А. Седаковой,
И. А. Седаковой, В. В. Жайворонка, Л. В. Савченко.
В русле этнолингвокультурологических студий изучается
диалектная лексика и фразеология (работы
Е. В. Брысиной, С. М. Беляковой, А. А. Ивченко,
А. И. Фёдорова, Л. А. Ивашко, В. И. Коваля,
В. Д. Ужченко, В. Ю. Краевой, Л. И. Родионовой,
А. С. Данилевской). Их значение для описания
общенациональной картины мира трудно переоценить,
поскольку «при моделировании общерусской
(общенациональной) ЯКМ (языковой картины мира –
Н. А.) диалектные факты могут восполнить отдельные её
звенья, отсутствующие в сознании носителей
современного литературного языка» [13, с. 19].

Прежде всего, отметим, что русские говоры
Одесщины относятся к южнорусским, преимущественно –
к курско-орловским говорам. В течение длительного
периода они находились в тесном контакте с украинским,
румынским, болгарским, молдавским, гагаузским
языками, в первую очередь, со славянскими –
украинским и болгарским. В то же время, несмотря на
значительное количество заимствований, лексический
состав русских говоров Одесщины достаточно устойчив
[5, с. 27-28].

Цель настоящей статьи – выявить гендерные
характеристики лексической системы русских говоров
Одесщины, тем самым реконструируя важнейший код
русской лингвокультуры – гендерный код, являющийся
составной частью региональной картины мира.

Материалом для исследования послужили данные
двухтомного Словаря русских говоров Одесщины (всего
около 9000 лексических единиц и 300 устойчивых
оборотов), изданного в 2000–2001 гг. под руководством
профессора Ю. А. Карпенко на основе богатейшего
материала, полевой сбор которого ежегодно
осуществлялся кафедрой русской языка Одесского

національного університета імені І. І. Мечникова, починаючи з 1950 року.

Изложение основного материала. Проблема изучения языков с точки зрения гендерной составляющей продолжает оставаться актуальной вот уже на протяжении двух десятилетий, о чём свидетельствуют работы отечественных и зарубежных учёных (В. Н. Телия, А. В. Кирилина, О. Л. Бессонова, А. П. Мартынюк, А. М. Архангельская, Н. В. Соколова, Е. С. Узенёва, В. И. Коваль, Ст. Георгиева, А. С. Бондаренко, В. В. Тепкеева, Н. Г. Арефьева, Н. А. Павленко). Как известно, каждому языку свойственны признаки андроцентризма в силу объективного исторического развития общества. Подробнее об этом см.: [2, с. 46-47]. Характерологические особенности русского языка часто соотносят с понятием женственности, отмечая его эмоциональность, иррациональность, неагентивность (страдательность) [8, с. 33- 34; 10, с. 73]. К выводу о соотносимости особенностей русского языка с метафорой женственности приходит А. В. Кирилина [10, с. 77].

Анализ лексической системы показал, что русские говоры Одесщины отличаются высокой степенью феминцентричности, о чём свидетельствует существенное количественное доминирование существительных и субстантивированных прилагательных женского рода в сравнении с существительными и субстантивированными прилагательными мужского рода (2473 и 2005 лексических единиц соответственно).

Особенно ярким свидетельством, на наш взгляд, в пользу феминцентричности региональной картины мира носителей говоров является обилие деминутивных форм. Вот лишь один из примеров, демонстрирующих редкое богатство языкового творчества носителей говоров: **чистотка** – ‘чистота’: *Тама на пляжы чистотка* (Вас.) [СРГО (2, с. 278)]; **чисточко** – нареч. ‘чисто’: *У кухни у йиё чистачка* (Спас., Введ.) [Там же]; **чистотачка** – ‘чистота’:

Такая у неё чистотачка была (Ст. Некр.) [Там же]; **ча́стушко, чи́стушко** – нареч. ‘чисто’: Я люблю, шоп чистушка була (Усп.) [Там же]. Суффиксы, образующие уменьшительные и уменьшительно-ласкательные формы, отличаются разнообразием и широкой распространённостью в русских говорах Одесского региона: -очк / -ечк, -ичк / -ычк, -оньк / -еньк, -ушк / -юшк, -онок / -ёнок, -ышк / -ишк, -чик, -ят(а), -ик, -ок / -ек, -к. Менее продуктивны модели на -аньк / -яньк, -иньк / -инк, -ельк, -очек, ёчик, ёнчик, -ничек, -ачк, -ки, -ц(я), -ун(я), -отк(а). Достаточно продуктивными являются сложные словообразовательные модели на -ятко, -юшечки, -енёнок, ёночек, -ёночик, -енята, енятко, -еватеньк, -яточк, -юсеньк и др. Отметим, что по вышеперечисленным словообразовательным моделям активно осваиваются в русских говорах юга Украины и заимствованные слова. По наблюдениям Л. Ф. Баранник, к примеру, «на базе южнорусского *кутёнок* ‘щенок’ в результате контаминации с украинским *цуценя* в том же значении возник контаминант *куценёнок* (курсив автора)» [6, с. 10]. Другой пример: номены **магарёнок, магарёночек** возникают на базе болгарского заимствованного слова **магарь** – ‘осёл’, но опять же по словообразовательным моделям, характерным для русских говоров [Там же]. Заимствованное из молдавского языка слово **неляпка** – ‘1) корова, отелившаяся не вовремя, в полтора-два года; 2) перен. экспресс. девушка, родившая ребёнка вне брака’ [СРГО (1, с. 329)] часто употребляется в уменьшительно-ласкательной форме **неляпочка**, сопровождаясь целым спектром коннотаций – сострадания, жалости, нежности, свойственных характеру носителей рассматриваемых нами говоров и соотносимых с эталоном женственности: *Ниляпачка – эта карова, каторая рана атилилась, ф палтара года* (Возн.). *Ниляпачка – девушка с рибёначкам, биз мужа, йиво и не была* (Алекс.) [Там же]. Особенно богаты уменьшительно-ласкательными формами термины

родства: **бабу́ня**, **бабу́шечка** – ласкат. к **бабушка**; **ма́мця** – ласкат. к **мама**; **ла́душка** – ласкат. ‘муж’; **ла́душкин** – ‘мужнин’; **разла́пушка** – ласкат. ‘голубушка’: *Разлапушка, галубушка, жёнушка мая* (Возн., Введ., Павл.). *И на дочку гаварим разлапушка, ну ды милушка, галубушка* (Серг.) [СРГО (2, с. 135)]; **ти́тятка** – ‘тётенька’; **меньша́чечка** – уменьш.-ласкат. к **меньша́чка** – ‘младшая дочь’; **деверёчек** – ласкат. к **деверь**; **девери́лушка** – уменьш. к **деверил** – ‘деверь’; **залёточек** – ‘возлюбленный’; **молоди́чка** (**молоды́чка**) – ласкат. к **молоди́ца** – ‘молодая замужняя женщина’: *Маладычкай называли дефку после свадьбы* (Рус. Ив.) [СРГО (1, с. 305)]. Как видим, региональная картина мира здесь отражает реликт древней славянской культурной традиции, а именно – бережное отношение к членам рода, культ рода. В болгарском языке достаточно показательны в этом ракурсе существительные, обозначающие собственные женские имена и «женские» термины родства с окончанием **-ини** со значением ‘дом, семейство’ (**Рада** – мн. **Ра́дини**; **ле́ля** – мн. **ле́лини** – ‘дом и семейство тёти’; **ба́бини** – ‘дом и семейство бабушки’, **ма́мини** – ‘дом и семейство матери’; **е́тьрвини** – ‘дом и семейство золовки’ и т. п.), воплощающие представление о женщине прежде всего как берегине домашнего очага и одного из важнейших членов рода [2, с. 51]. Ласковое, заботливое отношение славян к членам рода отмечал ещё известный славист XIX века П. А. Лавровский: «Обильная масса слов с поразительно заботливым определением отдельных членов самых отдалённых степеней родства служит лучшим доказательством бытовой важности родственных связей у Славян» [12, с. 2].

Чрезвычайно богата деминутивными формами и антропонимическая система русских говоров Одесщины. По данным А. Ю. Карпенко, в русских говорах юга Украины только в сфере личных имён функционирует 59 суффиксов [10, с. 99]. Как отмечает учёный, «полнота

чувств требует полноты формы, многообразия средств выражения. Благодаря этому прежде всего и сохраняется множество стилистических вариантов личных имён» [Там же, с. 1980. 100].

Хозяйственный код – наиболее широко представленный и, следовательно, наиболее значимый в региональной картине мира носителей русских говоров Одесщины [3, с. 137]. Именно с этим связано, как нам представляется, обилие диминутивных форм для предметов, связанных с хозяйством и бытом носителей говоров: **домово́душка** – ласкат. ‘женщина, ведущая хозяйство в доме’; **весёлочка** – уменьш. к **весёлка** – ‘деревянная круглая палочка для размешивания теста, мешалка’: *Весёлочкай апару мишам* (Возн.) [СРГО (1, с. 38)]; **гнеточек** – уменьш. к **гнеток** – ‘груз, употребляемый в качестве пресса, гнёт’: *Заквасять капусту, а сверху гнеточик положить* (Вас.) [СРГО (1, с. 116)]; **дежечка** – уменьш. к **дежка** – ‘кадка для теста’: *А теста я у дежички замешивала* [СРГО (1, с. 161)]; **закаточка** – уменьш.-ласкат. к **закатка** – ‘консервированные фрукты, овощи’; **тестушко** – уменьш.-ласкат. к **тесто**: *Тестушка падаило* [СРНГ (1, с. 250)].

Свадебный код – важнейший в гендерной картине мира носителей русских переселенческих говоров Одесщины [1, с. 191], что подтверждается многочисленными примерами: **молодик** – ‘жених’; **орличка** – ‘невеста’; **беседушка** – уменьш.-ласкат. к **беседа** – ‘вечеринка, праздничное застолье’: *А беседа эта на нашаму – вечир после свадьбы* (Введ.) [СРНГ (1, с. 38)]; **курничок** – уменьш. к **курник**, во втором значении – ‘свадебное изделие из теста в форме курицы, утки, гуся или поросёнка’. Следует отметить, однако, что и другие коды, такие как анималистический, флористический, гастрономический, гендерный богаты деминутивными формами. Констатируем, что приведённые примеры

свидетельствует о высокой степени эмоциональности русского национального характера, «ярко выраженном акценте на чувствах и на их свободном изъяснении» [8, с. 33], что является подтверждением феминоцентричности региональной картины мира и русской диалектной картины мира в целом.

К признакам феминоцентричности следует, на наш взгляд, отнести и тот факт, что целый ряд слов в русских говорах Одесщины приобретает форму женского рода в отличие от их эквивалентов в литературном языке: **адреса** – ‘адрес’, **басейня (басейна)** – ‘бассейн’, **вєнка** – ‘веник’, **виноградня** – ‘виноградник’, **закоулочка** – ‘закоулок’, **зверильня** – ‘зоопарк’, **организма** – ‘организм’, **орєха** – ‘орех’, **салата** – ‘салат’, **звєра** – ‘зверь (о человеке)’: *Нявестка у миня пряма звєра* (Серг.) [СРНГ (1, с. 232)]. И напротив, лексем, приобретших форму мужского рода в рассматриваемом нами региональном словотворчестве, – единицы: **вечерєц** – ‘вечеринка’, **гав** – ‘собака’, **замуж** – ‘замужество’: *Уже к замужу юпку мине зделали и кохту* (Б. Пл.) [Там же].

Квантитативный анализ показал, что глаголов-феминативов (т. е. таких глаголов, которые концептуально соотносятся с категорией фемининности) вдвое больше, чем глаголов-маскулинизмов (глаголов, концептуально соотносящихся с категорией маскулинности). Вполне естественным представляется тот факт, что большинство глаголов-феминативов так или иначе связаны с важнейшими событиями в жизни женщины и группируются вокруг наиболее значимых концептов: девичество, свадьба, беременность, рождение ребёнка. Так, например, глаголы **девовать (девувать)** – 1) ‘в девушках ходить, быть незамужем’; 2) ‘быть вдовой’, **девочить** – 1) ‘быть незамужем’; 2) ‘проводить время в девических забавах’; 3) ‘находиться в возрасте, когда можно выходить замуж’ семантически и концептуально связаны с девичеством. Глаголы **жениться** – ‘выйти

замуж', **определить** – 'выдать замуж', **отдаваться** – 'выходить замуж', **повыйти** – 'выйти замуж (о многих, всех)', **подружить** – 1) 'выдать замуж'; 2) 'поженить', **поотдать** – 'выдать замуж (многих, всех)', **укупливать** – 'платить выкуп за невесту', **пропить** – 'просватать невесту' отражают процесс сватовства и выхода замуж девушки, а также свадебные обряды. Глаголы **зачервнеть** – 'забеременеть', **родить** – 'родить', **бабить** – 'принимать роды', **бабовать**, **бабувать** – в том же значении, **насеменить** – 'родить', **находить** – 'родить вне брака, нагулять', **опроститься / опростаться** – 'родить', **опустеть** – 'родить', **привести** – 1) 'родить ребёнка'; 2) 'родить, принести приплод (о животных)', **приобрести** – 'родить' отражают такие важнейшие события в жизни женщины, как беременность и роды. Немногочисленны глаголы, отражающие вступление молодой жены в дом мужа (**заступать** – 'входить в семью, в дом мужа'), а также типичные виды деятельности женщины (**напрутылиться** – 'напудриться', **заплётывать** – 'заплетать (о косе)' и т. п.). То же можно сказать и о фразеологизмах-феминативах, группирующихся вокруг наиболее важных событий в жизни женщины и наполняющих, прежде всего, свадебный код. Подробнее об этом см.: [1, с. 191-196].

Интересно, что и глаголы-маскулинизмы зачастую связаны с процессом сватовства и женитьбы: **парубковать** – 'гулять, ухаживать за девушками', **засвататься** – 'посвататься', **вжениться** – 'жениться', **заплестись** – 'жениться', **моргануть** – *экспресс.* 'взять в жёны', **откозлиться** – 1) 'жениться'; 2) 'отречься от веры', **побрать** – 'взять в жёны', **холостовать** – 'быть неженатым, холостым, холостяковать'. Единичны глаголы, связанные со службой в армии, другими видами деятельности: **поотслужить** – 'отслужить (о многих, всех)': *Паатслужили фсе сыны в армии* (Возн.) [СРГО (2, с. 81-82)]; **поотслужиться** – 'отслужить в армии (о многих,

всех)’, **попова́ть** – ‘быть попом, заниматься священнослужением’.

Что касается так называемых «эмоциональных» глаголов как характерной особенности русского языка (по А. Вежбицкой), то их количество в русских говорах Одесского региона невелико – большинство глаголов отражают хозяйственную деятельность диалектоносителей, что ещё раз подтверждает важнейшую роль прежде всего кода хозяйственного в региональной картине мира [3].

К признакам феминистичности, вслед за А. Вежбицкой, А. Кирилловой и другими учёными, относим мы также и достаточно распространённые в русских говорах юга Украины безличные, «неагентивные» (термин А. Вежбицкой) конструкции. В Словаре находим следующие примеры: **взбыха́лось** – безл., пренебр. ‘вздумалось’: *Атцу взбыхалась миня учить* [СРГО (1, с. 80)]; **выкида́ет** – безл. ‘выпадать (о зубах)’: *Смоладу выкидаит зубы первапиреднии* (Серг.) [СРГО (1, с. 109)]; **забандю́рится** – безл. экспресс. ‘захотеться’: *Забандюрилась деду вяртуты* (Антон.) [СРГО (1, с. 203)]; **задури́ться** – безл. ‘об обморочном состоянии’: *Задурилась мне* (Возн.) [СРГО (1, с. 211)]; **захма́риваться / захма́риться (захма́рить)** – безл. ‘покрыться тучами, облаками’: *Захмарилась, лоши буди* (Рус. Ив.) [СРГО (1, с. 230)]; **велено́** ‘установлено’: *Так, девки, в нашым закони велина* (Мирн.) [СРГО (1, с. 71)]. Как отмечает А. Вежбицкая, «богатство и разнообразие безличных конструкций в русском языке показывают, что язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому уразумению, причём эти события, которые человек не в состоянии до конца постичь и которыми он не в состоянии управлять, чаще бывают для него плохими, чем хорошими. Как и судьба»

[8, с. 76]. Вопрос об отражении в безличных конструкциях важнейших особенностей русского характера – иррациональности, неагентивности, коллективизма сегодня, однако, переосмысливается (работы Е. В. Зарецкого, З. К. Тарланова, Л. В. Ипполитовой). Так, Е. В. Зарецкий в монографии «Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками), признавая тот факт, что «безличные конструкции чаще встречаются в женском гендерлекте», считает, что «склонность женщин к имперсоналу может объясняться их более вежливым стилем речи, обусловленным относительно слабым социальным положением из-за доминирующего почти во всём мире патриархата» [9, с. 481-482]. «Связь имперсонала с фемининностью и коллективизмом практически исключается, связь с Принципом скромности вполне возможна в определённых стилях речи», – отмечает учёный [Там же]. Не является ли скромность, однако, традиционным атрибутом женственности?

Наряду с признаками феминоцентричности языковой картины мира в лексической системе русских говоров Одесщины присутствуют и признаки андроцентричности. Так, вторичность феминативных форм, общая для большинства языков, присутствует и в рассматриваемых нами говорах: **инженерка** – нов. 'женщина-инженер': *Сынок мой узал сибѣ жынку-инжынерку* (Дем.) [СРГО (1, с. 243)]; **агрономщица** – нов. 'женщина-агроном': *Стану учитильщицый или агрономщицый* (Ст. Некр.) [СРГО (1, с. 16)], **брехунка**, **докторица**, (**дохторица**, **дохтурица**), **интересантка**, **кумиха**, **поварица** и т. п. Отметим всё же, что распространённость так называемых «парных» лексем чрезвычайно велика, что опять-таки является свидетельством достаточно сильной антиандроцентрической тенденции. Речь идёт о таких

парных лексемах, как, например, **болто́к** / **болту́нка** – ‘болтун’ / ‘болтунья’, **куко́бник** / **куко́бница** – ‘умелый, трудолюбивый человек, труженик’ / ‘хорошая хозяйка’, **леда́рь** / **леда́щица** – ‘лентяй, лодырь’ / ‘ленивая женщина, лентяйка’, **бо́ярин (буя́рин)** / **бо́ярыня** – ‘шафер жениха на свадьбе’ / ‘дружка жениха на свадьбе’, **ведьма́к** / **ведьми́ра** – ‘колдун’ / ‘ведьма’, **вско́рмник** / **вско́рмница** – ‘приёмный сын’ / ‘приёмная дочь’, **каву́н** / **каву́ниха** – ‘арбуз’ / ‘арбуз особой формы’: *Есть кавун и кавуниха. Кавуниха длинная и широкая* (Возн.) [СРГО (1, с. 247)]; **ды́тел** / **ды́телиха** – ‘дятел’ / ‘самка дятла’: *Он – дятил, а ана – дятилиха* (Ст. Некр.); **лохма́рь** / **лохма́тка** – ‘лохматый человек’ / ‘лохматая девочка, девушка’, **мазу́р** / **мазу́рка, мазилка** – маляр / женщина-маляр: *Он мазур, ана – мазурка, хаты мазають* (Возн.) [СРГО (1, с. 294)] и многих других.

Одним из признаков андроцентризма является и небольшое количественное превосходство лексем, обозначающих лиц мужского пола. Только на основании данных Словника нами зафиксировано 150 лексем, номинирующих лиц женского пола (лексем-феминативов) и 165 лексем, номинирующих лиц мужского пола (лексем-маскулинизмов). Фронтальный просмотр лексических фактов Словаря русских говоров Одесщины показал, что образ женщины в региональной картине мира чётче параметризован в соответствии с возрастом, социальным статусом, ролью в семье, интеллектуальными, физическими, психологическими и моральными особенностями. Количественный перевес маскулинизмов можно, однако, объяснить тем фактом, что очень часто номинант-маскулинизм исторически являлся воплощением лица в целом, тогда как феминатив – лишь лица женского пола. Как справедливо отмечает А. М. Архангельская, «процесс именованности лиц мужского пола оказывается ориентированным, с одной стороны, на внеязыковую действительность, с другой – на

концептуальную картину мира как систему представлений о мире и лице мужского пола в нём, ещё с одной – на систему и структуру языка. При этом и концептуальная, и языковая картина мира подавляющего большинства национально-лингво-культурных обществ, в том числе славянских, отличается маскулиноцентричностью» [4, с. 10-11].

Ряд лексем по своей внутренней форме связан с мужскими именами, что также свидетельствует, хотя и косвенно, в пользу древней андроцентрической традиции. Так, в основе таких слов, как **иванчик** – ‘птица’, **димитрица (димитриция)** – ‘хризантема’, **димитричка** – ласкат. к **димитричка**, **илинка** – ‘сорт груши’, **касьян** – ‘високосный год’, **василёвка** – ‘праздник святого Василия 1 января, во время которого дети ходили по дворам, пели, осыпали иконы кукурузой и пшеницей’ (Петр.) [СРГО (1, с. 69)], **петровка** – ‘Петровдень, церковный праздник свв. Петра и Павла’ лежат мужские имена Иван, Дмитрий, Илья, Василий, Пётр, Касьян. Многие из них являются косвенным отражением библейско-христианской традиции или так называемого «бытового христианства». В основе номинации фитонимов **димитрица (димитриция, димитричка)**, **илинка**, по-видимому, лежит соотнесение времени цветения / созревания с соответствующим религиозным праздником. Так, хризантемы, как известно, относятся к поздним цветам; время их цветения на юге Украины совпадает с Дмитриевым днём, который посвящён святому Дмитрию Солоунскому и отмечается 26 октября (8 ноября). Фитоним **илинка**, по всей вероятности, соотносится с днём Ильи-пророка, который традиционно отмечают 2 августа. Подтверждение этому находим и в работе И. В. Родионовой, выделяющей тип мотивированности, характерный исключительно для фитонимов, при котором «отыменной компонент функционирует как хрононим, когда мотивированным признаком является, например,

факт совпадения времени цветения растения с каким-либо праздником в честь святого (день Ивана Купалы, Петров день и т. п.) или обычай собирать это растение в праздник» [15, с. 13]. В этом ракурсе мы вполне согласны с мнением И. В. Родионовой: «Фиксируемые в русских народных говорах вторичные номинации, которые произошли от принадлежащий библейско-христианской традиции собственных имён, – это особый уровень экспликации определённых фрагментов народной религиозной картины мира [Там же, с. 6].

Выводы и перспективы дальнейшего исследования. Итак, рассмотрев лексическую систему русских говоров Одесщины на фоне гендерной составляющей, мы пришли к следующим выводам:

1) лексическая система русских островных говоров Одесщины является отражением гендерной картины мира и гендерного кода как «глубинного культурного пространства, в котором разные языковые сущности получают различные культурные смыслы, заполняя собой и формируя тем самым код» [14, с. 81];

2) в лексической системе русских говоров Одесщины нашла отражение устойчивая антиадроцентрическая тенденция, что проявилось в первую очередь в богатстве деминутивных форм, количественном доминировании существительных и субстантивированных прилагательных женского рода, а также глаголов-феминативов, более детальной параметризации образа женщины, обилии «парных» лексем, распространённости «неагентивных» конструкций.

3) в лексической системе русских говоров юга Украины, несомненно, присутствуют и элементы андроцентризма: вторичность «женских» наименований, примат мужских личных имён в словотворчестве диалектоносителей (**илинка, димитрица, петровдень**), количественное доминирование наименований лиц мужского пола, что подтверждает тезис о том, что «в каждом языке

постпатриархальных обществ принцип маскулиноцентризма проявляется в большей или меньшей степени» [4, с. 12].

В связи с невозможностью осветить в пределах одной статьи все аспекты, связанные с влиянием гендерного фактора в русских говорах Одесщины, перспективой дальнейшего исследования мы считаем этнолингвокультурологическое изучение наименований лиц женского и мужского полов, что несомненно поможет воссоздать полноту гендерной картины мира и гендерного кода в языковом региональном континууме.

Литература

1. Арефьева Н. Г. Гендерный код и его отражение в русских говорах Одесщины / Н. Г. Арефьева // Лингвистика. Лингвокультурология: сб. науч. пр. / редкол. : Ю. О. Шепель (відп. ред.) та ін. – Дніпро : Роял Принт, 2017. – Т. 11. – С. 188-199.
2. Арефьева Н. Г. Гендерні стереотипи у болгарській фразеології: дис. на здобуття наук. ступеня к. філол. н.: спец. 10. 02. 03 „Слов’янські мови” / Наталія Георгіївна Арефьева. – Одеса, 2009. – 233 с.
3. Арефьева Н. Г. Фразеологическая картина мира сквозь призму лингвокультурных кодов / Н. Г. Арефьева // Мова: науково-теоретичний часопис з мовознавства. – Одеса: «Астропринт», 2017. – № 27. – С. 135-139.
4. Архангельська А. М. ‘Чоловік’ у слов’янських мовах / Алла Мстиславівна Архангельська : монографія. – Рівне : РІС КСУ, 2007. – 448 с.
5. Баранник Л. Ф. Лексика русских переселенческих говоров Одесской области, функционирующих в разноразличном окружении: учебное пособие / Людмила Фёдоровна Баранник. – Одесса: «Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова», 2015. – 178 с.
6. Баранник Л. Ф. Региональная языковая картина мира носителей русских островных говоров Одесской области / Л. Ф. Баранник // Мова: науково-теоретичний часопис з мовознавства. – Одеса: «Астропринт», 2014. – №22. – С. 7-11.
7. Брысина Е. В. Этнолингвокультурологические основы диалектной фразеологии Дона: дисс. на соиск. уч. ст. д. филол. н.: спец. 10.02.01 „Русский язык” / Евгения Валентиновна Брысина. – Волгоград, 2003. – 543 с.
8. Вежбицкая А. Русский язык. В кн.: Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. Отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой / Анна Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – С. 33-88.
9. Зарецкий Е. В. Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками) [Текст] : монография / Евгений Владимирович Зарецкий. – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2008 – 564 с.

10. Карпенко А. Ю. Деминутивное антропонимическое словообразование (на материале русских говоров юга Украины) [Электронный ресурс] / А. Ю. Карпенко // Вопросы ономастики: собственные имена в системе языка. – Свердловск, 1980. – Вып. 14. – С. 99-110. – Режим доступа: <http://hdl.handle.net/10995/39069>
11. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты : монография / Алла Викторовна Кирилина. – М. : Институт социологии РАН, 1999. – 189 с.
12. Лавровский П. А. Коренное значение в названиях родства у славян / Пётр Алексеевич Лавровский / Послесл. В. К. Журавлёва и И. В. Журавлева. Изд. 2-е. стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 144 с. (Лингвистическое наследие XIX века).
13. Лукьянова Н. А. Когнитивные источники образных слов русского языка / Нина Александровна Лукьянова // Русистика: сборник научных трудов. – Киев, 2008. – Вып. 8. – С. 18-27.
14. Маслова В. А. Особенности описания языка сквозь призму лингвокультурных кодов / Валентина Авраамовна Маслова // Матеріали V Всеукраїнської науково-практичної конференції «Лінгвістичні та лінгвокультурологічні аспекти навчання іноземних студентів у вищих навчальних закладах України (31 березня – 1 квітня 2016р.). – Дніпропетровськ, 2016. – С. 81-87.
15. Родионова И. В. Имена библейско-христианской традиции в русских народных говорах / Инна Валерьевна Родионова: автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к. филол. н.: спец. 10.02.01 „Русский язык”, Екатеринбург, 2000. – 18 с.

Источники

СРГО – Словарь русских говоров Одесщины / [ред. коллегия: проф. Ю. А. Карпенко (отв. ред.), проф. Уэмура, проф. Д. С. Ищенко, доц. Л. Ф. Баранник]: в 2 т. – Одесса: АстроПринт. – Т. I: А-О. – 2000. – 369 с.; Т. II: П-Я. – 2001. – 293 с.